

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТУМАНЫ ПЕПЕЛЬНОЙ ЛУНЫ»:**

**«САД СЛОМЛЕННЫХ ДУШ»
«СИМФОНИЯ ВРЕМЁН»**

Продолжение следует...

СИМФОНИЯ ВРЕМЁН

ЖОРЖИЯ КАЛЬДЕРА

Freedom

Москва

2022

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
К17

Georgia Caldera

Les Brumes de Cendrelune:
LA SYMPHONIE DU TEMPS

Book 2: ©Editions J'ai Lu, 2020
The Book was first published in the French language
by Éditions J'ai lu

Кальдера, Жоржия.

К17 Симфония времён / Жоржия Кальдера : [перевод с французского Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Young Adult. Туманы Пепельной Луны).

ISBN 978-5-04-161666-3

Сефиза заняла должность первой скрипки в императорском оркестре. Теперь девушке следует быть еще осторожней, чтобы не пострадать от придворных интриг и коварных заговоров, которые плетут окружившие ее завистники.

Между Верленом и Сефизой всегда была необъяснимая связь. Девушке приходит видение, в котором они не только уже встречались, но и... любили друг друга?

В столице королевства многие мечтают свергнуть безграничную власть богов. Лучший друг Сефизы Хальфдан — один из них. И он ждал возвращения своей подруги, так как, возможно, их связывает нечто большее.

Сефизе придется разобраться: кто на ее стороне, а кому доверять нужно в последнюю очередь. Одна-единственная ошибка может стоить будущего целого королевства.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161666-3

Плейлист

- Within Temptation — «Somewhere»
BrunuhVille — «Solitude»
Theodore B. Tringo и Autumn Tears — «Another Day»
The Sweeplings — «Chains»
Delain — «Here Come The Vulture»
Nick Pheonix — «Little Ben»
Nick Pheonix — «The World is Mine»
Malukah — «Sinking Ships»
Yván Torrent и Julie Elven — «Icarus»
Yván Torrent и Roger Berruezo — «Remember Me»
Gåte — «Sjåaren»
Beyond the Black — «Beautiful Lies»
Aquilo — «So Close To Magic»
Alex & Sierra — «Little Do You Know»
Motanka — «Verba»

Глава 1

Олимпия

Еще не рассвело, и в комнате царила тишина: ничто не нарушало покой спящей девушки. Она свернулась калачиком на шелковых простынях, а ее длинные, черные как смоль волосы блестящими волнами раскинулись по мягким подушкам. Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетела Марсия, а за ней следом поспешали две служанки.

— Олимпия! — воскликнула женщина. В ее голосе слышались одновременно нотки паники и восторга. — Олимпия, вставай! Скорее!

Олимпия приоткрыла один глаз и недовольно заворчала: она слишком привыкла к постоянным капризам и сумасбродным причудам своей матери, чтобы тревожиться из-за ее столь внезапного и шумного вторжения. Досадливо поморщившись, девушка повернулась на другой бок, пытаясь спрятаться от света масляных ламп, которые держали в руках служанки. Увы, сон уже ушел, и на Олимпию нахлынули привычные, но от этого не менее мрачные мысли о грядущем дне — несомненно, он станет таким же унылым и скучным, как все предыдущие. Интересно, с чего это мать пребывает в такой эйфории?

— Олимпия, — повторила Марсия. — Ну же, по-торопливайся!

— Мама, — протянула девушка, крепче обнимая подушку — украшенную тонкой вышивкой, но немного потертую. — Имейте хотя бы каплю милосердия, дайте поспать. Ночь на дворе...

Очевидно, было наивно полагать, что Марсия откажется от своих грандиозных планов лишь потому, что ее дочь имеет что-то против. И все же попытка не пытка.

Девушку ухватили за плечо с такой силой, что тщательно наманикюренные ногти впились в тело. Марсия заставила дочь повернуться к яркому свету ламп — если уж мать что-то решила, никакие возражения и жалобы в расчет не принимались.

— Нельзя терять ни секунды, глупая девчонка! — яростно выпалила Марсия. Похоже, ее раздражение взяло верх над энтузиазмом. — Твоя подруга Септима вчера вечером серьезно заболела, и, только представь, верховный прелат Фаустус услышал, как ты в последнее время стараешься, а также узнал о твоём выдающемся благочестии. Тебя назначили в качестве замены Септимы, отныне ты будешь прислуживать за столом бога Эреба и его свиты! Как замечательно, не правда ли? Дитя мое, тебе дана неслыханная возможность! Людям со столь низким положением, как у нас, такая удача выпадает лишь раз в жизни!

Такого порядка придерживались при всех дворах по всей Империи: божества сами выбирали себе слуг из числа знати. Занять одну из таких должностей считалось редкой удачей...

Олимпия резко приподнялась, опершись локтями о матрас, откинула лезущие в глаза темные пряди и живо воскликнула:

— Септима нездорова?

Всю ее сонливость как рукой сняло.

— Ты плохо слышишь? Дитя мое, ты теперь ежедневно будешь находиться рядом с одним из богов! Кроме того, верховный прелат Фаустус, всецело преданный своему служению, уже два месяца как овдовел. В другое время низшие аристократы вроде нас не могли бы и мечтать о подобной партии! Потом будешь оплакивать печальную участь своей подружки, а сейчас есть дела поважнее. На кону стоит будущее нашего дома!

С этими словами Марсия потянула девушку за руку и вытащила из постели, невзирая на сопротивление и слезы.

— У нас есть всего час, чтобы сделать тебя неотразимой, и, поверь мне, работа предстоит большая, — восклицала Марсия, подталкивая дочь к туалетному столику. Она силой заставила Олимпию сесть на табурет лицом к зеркалу. — Твоя черная грива просто отвратительна! Надеюсь, теперь-то ты жалеешь, что не дала мне обесцветить твои лохмы.

Нет, Олимпия ни капли об этом не жалела.

Даже если бы она была единственной придворной дамой при дворе Пепельной Луны, то и тогда не захотела бы ничего менять в своей внешности. У нее не было ни малейшего желания походить на богиню — это просто смешно.

Увы, нынешняя дворцовая мода была нелепа и не оставляла места никакой естественности: придворным дамам надлежало любыми средствами копировать черты, присущие божествам. Отсюда пудра, делающая кожу фарфорово-бледной, осветленные волосы, искусственные костные наросты на лбу, тонкие серебряные украшения или даже татуировки, имитирующие вены на лице, высоченные каблучки, тесные корсеты и пышные платья — вот далеко не полный

список того, что брали на вооружение придворные в Соборе.

Тем не менее Олимпия почти не протестовала, когда мать достала из шкафа парик из белокурых, блестящих волос — изначально это были локоны жительниц бедных кварталов, но нужда заставила босячек¹ отрезать свои лохмы и продать ради пропитания. Парик принадлежал самой Марсии: из-за постоянного многолетнего применения разъедающих осветлителей она почти полностью облысела.

— Сделай одолжение, надень это сегодня, — приказала мать не допускающим возражений тоном. — Никаких споров на сей счет я не потерплю. В будущем мы посмотрим, что можно сделать с этим твоим... досадным физическим недостатком.

— Хорошо, мама, — машинально ответила Олимпия, изо всех сил стараясь не кривиться от омерзения.

Конечно, волосы для парика промыли и обработали специальными средствами, чтобы получить безупречную прическу, но все же Олимпию подташнивало при мысли о том, что у нее на голове вились космы, состриженные с голов неизвестных плебеек.

Она безропотно сидела перед зеркалом, пока служанка стягивала ее собственные волосы в тугой пучок, потом покорно терпела, пока мать надевала ей на голову белоснежный парик. Отражение в зеркале сразу стало чужим, не похожим на Олимпию.

Затем служанки под чутким руководством матери покрыли лицо девушки толстым слоем свинцовых белил; таким же образом они поступили с ее шеей и даже руками. Глаза Олимпии подкрасили серебря-

---

¹ Босячка — опустившийся, обнищавший человек из деклассированных слоев общества, оборванец.

ным карандашом и наклеили на веки длинные серебристые ресницы, на лбу нарисовали фальшивые вены, губы покрыли карминово-красной помадой. Наконец девушку заставили встать, после чего на нее надели туфли с невероятно толстой подошвой, придающей ей роста. В этой обуви Олимпии казалось, будто она встала на ходули.

Бюст девушки безжалостно затянули в длинный корсет, достигающий до бедер и скрывающий лишние изгибы. Потом Олимпию заставили поднять руки, чтобы натянуть на девушку платье из воздушной ткани кремового цвета. Оно было таким легким, что сквозь него просвечивали очертания фигуры. Лиф с очень глубоким декольте был оформлен элегантными складками и держался лишь благодаря двум тонким бретелям, охватывающим плечи. Многослойная юбка ниспадала до пола, плавно расширяясь от талии книзу, а сзади оканчивалась небольшим шлейфом, зрительно вытягивавшим фигуру.

В подобных обстоятельствах радость матери казалась Олимпии неуместной, ведь здоровье ее подруги важнее возможности получить хорошую должность. Девушке хотелось бежать в квартиру Септимы, посидеть с ней и поддержать в беде, возможно, чем-то помочь. Вместо этого ей придется расшаркиваться перед богом, его свитой и перед верховным прелатом Фаустусом, этим старым дураком...

Что поделаешь, двор есть двор, и никому не позволено обсуждать приказы духовенства, ведь жрецы являются проводниками божественной воли. Олимпия лучше кого бы то ни было усвоила эту истину: десять лет назад простой спор с одним из жрецов стоил жизни ее дяде и всей его семье. Лишь ценой ловких ухищрений и долгих унижений Марсии удалось вместе с дочерью вернуться ко двору, в Собор.

Волевым усилием Олимпия заставила себя отбросить опасные мысли — чего доброго, их можно истолковать как мятежные и крамольные...

«Боги велики, боги чисты и справедливы. Боги велики, боги чисты и справедливы. Боги велики, боги чисты и справедливы...»

Олимпия мысленно повторяла эти слова всякий раз, когда ее начинали одолевать противоречивые идеи — а случалось это довольно часто. Скоро она войдет в ближайшее окружение бога Эреба. Мать права, это редкая удача, вот о чем сейчас нужно думать. Ей выпал шанс приблизиться к верховному прелату, каким бы он ни был, и попытаться его соблазнить, чтобы он на ней женился, она не в том положении, чтобы пренебрегать такой возможностью.

Если этот безумный план сработает, позорное пятно с их фамильной чести будет смыто навеки. Если Олимпия обретет такое положение, то она сама, ее мать, все их близкие, а также ее будущие дети до конца жизни будут защищены от всех опасностей. Они станут почти неприкосновенны, неуязвимы пред лицом заговоров, которые постоянно плетут придворные Пепельной Луны.

— Я рассчитываю на тебя, девочка моя, — заявила Марсия. Она критическим взглядом оглядела дочь, протянула было к ней руки, но тут же отдернула, боясь стереть слой белоснежной пудры с плеч девушки. — Будь достойна нашего дома и примени на деле все уроки, что я тебе давала. Отныне наше будущее целиком и полностью зависит от того, насколько хорошо ты разыграешь свои козыри: красоту и очарование.

Олимпия тяжело сглотнула. Ей совершенно не хотелось играть в эти игры. Однако она ответила:

— Я сделаю все возможное, чтобы раз и навсегда избавить нас от всех напастей, мама.

Марсия кивнула, явно довольная решением дочери. В ее глазах зажегся странный, тревожный огонек, граничащий с безумием — смесь надежды и алчности.

Олимпия неслась со всех ног — насколько позволяли ужасные туфли — в крыло Собора, в котором обитали большинство богов. Несколько раз ступни у нее подворачивались, каждую лестницу она преодолевала с огромным трудом, рискуя упасть. Вся взмыленная, она наконец добралась до покоев Эреба, где ее уже ждали. От потеков пота слой краски на ее лице, приклеившийся к коже, словно фарфоровая маска, потрескался.

Тяжело дыша, девушка осторожно промокнула щеки краем многослойной юбки, стараясь ее не испачкать. Потом дворецкий впустил ее в комнаты, предназначенные для персонала, обслуживающего божество.

Там уже собрались с дюжину юных девушек, происходивших из мелких дворянских родов: все они, как и Олимпия, были наряжены, напудрены, затянуты в корсеты. Все глядели на вновь прибывшую холодно, а некоторые — с нескрываемой враждебностью. Одна из них, самая высокая и сухопарая, проинструктировала Олимпию: ей надлежало забрать из столовой, где проходил завтрак, поднос с грязной посудой, а потом помыть тарелки в кухне. Таким образом, ей предстояло находиться в одном помещении с божеством совсем недолго.

Скрепя сердце Олимпия вошла в маленькую прихожую, смежную со столовой, и стала послушно ждать, когда настанет ее черед заходить внутрь. Она обмирала от страха.

Если Септима быстро поправится, вполне вероятно, Олимпии больше не представится такой возможности. Не важно, каким образом, но сегодня утром ее непременно должны заметить...

— Новенькая, пошевеливайся, твоя очередь! — резко отчеканила старшая дама. — Опусть голову и не смей смотреть на Его Высочество! Ясно?

Олимпия кивнула и быстро вошла в столовую, дрожа всем телом. Никогда еще она не удостоивалась чести приближаться к одному из богов. До сих пор ей удавалось увидеть членов императорской семьи лишь издали, мельком, во время приемов, на которые их с матерью не приглашали, так что ей приходилось стоять на галереях, предназначенных для публики, вместе с другими аристократами низшего ранга.

Войдя в комнату, Олимпия немедленно выпрямилась и выпятила грудь, как учила мать. Собирая тарелки, она опустила веки, чтобы ресницы грациозно трепетали, а сама сосредоточила все внимание на собравшихся за столом — вопреки наказу старшей дамы, являвшейся, по сути, одной из ее конкуренток.

Все придворные старались любой ценой подняться хотя бы на ступеньку выше во внутренней иерархии дворца, понравиться наиболее высокопоставленным жрецам и приблизиться к их божественным господам. Лишь это имело значение, только эта мысль занимала умы придворных. Это была цель всего их существования.

Единственная цель...

Для Олимпии это тоже стало главным устремлением, и сейчас ей выпал шанс осуществить свои намерения. Возможно, уникальный шанс.

Она старалась не смотреть на Эреба, хотя не заметить его было сложно — сидевший в центре стола бог возвышался над окружающими, словно гора. Светлые, почти белые волосы божества то и дело отливали фиолетовым, если свет падал на них под определенным углом; глаза цвета перламутра казались совершенно прозрачными и неестественно блестящими.

По обеим сторонам от бога разместились его свита — все придворные выглядели сытыми и сонными, тут и там журчали приглушенные разговоры. Следовало признать, что третий сын Ориона поднимался по утрам довольно рано, так что все члены его свиты тоже вынуждены были соблюдать такой режим. Верховный прелат — его легко можно было узнать по символам, вытатуированным на лице и богато расшитой тунике, — вытирал рот, очевидно, только что закончил набивать брюхо.

Приглядевшись, Олимпия поняла, что жрец не так уж и стар... Просто он был ужасно толстый: круглые щеки и двойной подбородок подрагивали, шея почти скрылась под мягкими складками жира, так что казалось, будто голова сразу переходит в плечи. Еще верховный прелат был краснолицым и рябым, так что даже многочисленные татуировки на лице не могли этого скрыть.

Взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз жреца остановился на Олимпии — именно этого она изначально и хотела, — потом скользнул ниже, задержавшись на глубоком декольте; на пухлой физиономии отразилось неприкрытое вожделение. Толстые, испачканные жиром губы священнослужителя скривились в неприятной полуулыбке, а в следующую секунду мир вокруг Олимпии перевернулся.

Высоченная платформа ее туфли зацепилась за край ковра, и девушка споткнулась, неловко взмахнув руками. Нагруженная подносом с посудой, она не смогла удержать равновесие и в итоге упала, растянувшись на полу во весь рост. Ее тело ударилось о пол с глухим стуком, а упавший поднос оглушительно загремел и задребезжал, вдобавок раздался предательский треск рвущейся ткани.